

STALKER

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие — уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

«ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «STALKER»

- Андрей Левицкий, Алексей Бобл. «Я — СТАЛКЕР. ОСОЗНАНИЕ»
Андрей Левицкий, Алексей Бобл. «Я — СТАЛКЕР. АНТИЗОНА»
Александр Шакилов. «ГЕРОИ ЗОНЫ. ЗЕМЛЯ ВЕТЕРАНОВ»
Александр Шакилов. «ГЕРОИ ЗОНЫ. ЯДЕРНЫЕ АНГЕЛЫ»
Андрей Левицкий. «Я — СТАЛКЕР. ТРОПАМИ МУТАНТОВ»
Андрей Левицкий, Виктор Ночкин. «Я — СТАЛКЕР. СЛЕПАЯ УДАЧА»
Александр Шакилов. «ГЕРОИ ЗОНЫ. ЯРОСТЬ ОТЦОВ»
Андрей Левицкий. «Я — СТАЛКЕР. ТРОЕ ПРОТИВ ЗОНЫ»
Виктор Глузов. «СТАЛКЕРЫ ПОНЕВОЛЕ. МЫШЕЛОВКА»
Андрей Левицкий. «Я — СТАЛКЕР. НОВЫЙ ВЫБОР ОРУЖИЯ»
Андрей Левицкий. «Я — СТАЛКЕР. РОЖДЕНИЕ ЗОНЫ»
Андрей Левицкий, Алексей Бобл. «Я — СТАЛКЕР. КВЕСТ /
НА ВЫЖИВАНИЕ»
Андрей Левицкий. «Я — СТАЛКЕР. САГА СМЕРТИ. ПЕТЛЯ АНТИМИРА»
Андрей Левицкий, Сергей Коротков. «Я — СТАЛКЕР. ЗОВ АРМАДЫ»
Юрий Уленгов. «ВЗЛОМАТЬ ЗОНУ. ХАКЕР»
Дмитрий Заваров. «ДОРОГИ ЗОНЫ. ГЕРОИ ПОНЕВОЛЕ»
Андрей Левицкий. «Я — СТАЛКЕР. САГА СМЕРТИ. СЕТЬ АНТИМИРА»
Сергей Коротков, Владимир Андрейченко. «СТРАЖИ АРМАДЫ.
АКСИОМА ВЫЖИВАНИЯ»
Роман Приходько. «СТРАЖИ АРМАДЫ. ПРЫЖОК ЗА ГРАНЬ»
Дмитрий Луценко. «СТАЛКЕР ОТ БОГА. ДОРОЖЕ ЖИЗНИ»
Юрий Уленгов, Наиль Выборнов. «ВЗЛОМАТЬ ЗОНУ. НОВЫЙ РАССВЕТ»
Дмитрий Субботин. «БРОДЯГИ. ОТМЕЧЕННЫЕ ЗОНОЙ»
Дмитрий Заваров. «ДОРОГИ ЗОНЫ. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ»
Дмитрий Луценко. «СТАЛКЕР ОТ БОГА. ПОРОГ НЕБЫТИЯ»
Владимир Андрейченко. «СТРАЖИ АРМАДЫ. ПРЕДЕЛ ВЕЗЕНИЯ»
Андрей Амелянович. «ЗОНА НАВСЕГДА. ГЛАДИАТОРЫ ПОНЕВОЛЕ»
Сергей Коротков. «СТРАЖИ АРМАДЫ. ТРОПОЮ ИЗБРАННЫХ»
Иван Плотноков. «Я — СТАЛКЕР. ОСКОЛКИ НАДЕЖД»
Дмитрий Лазарев. «ВИРУС ЗОНЫ. КОЧЕВНИЦА»
Александр Тихонов. «СТРАЖИ АРМАДЫ. ОХОТА НА ЗВЕРЯ»
Андрей Буторин. «УПАВШИЕ В ЗОНУ. В ПОИСКАХ ВЫХОДА»
Юрий Уленгов. «ВЗЛОМАТЬ ЗОНУ. ВРЕМЯ СНЯТЬ МАСКИ»
Дмитрий Луценко. «СТАЛКЕР ОТ БОГА. ТОРЖЕСТВО ЗОНЫ»
Вадим Михейкин. «ВИРУС ЗОНЫ. ОБРАТНАЯ РЕАКЦИЯ»
Виктор Глузов. «СТАЛКЕРЫ ПОНЕВОЛЕ. ГЛАЗАМИ ЗОНЫ»
Дмитрий Лазарев. «ВИРУС ЗОНЫ. ОХОТА НА СТРЕЛЬЦА»
Сергей Коротков. «СТРАЖИ АРМАДЫ. ПО ТУ СТОРОНУ ВОСХОДА»
Александр Тихонов. «Я — СТАЛКЕР. СИНДРОМ ГЕРОЯ»
Андрей Левицкий. «ДВА СТАЛКЕРА. ЧЕРНЫЙ СУДЬЯ»
Виктор Стрелков. «СТРАЖИ АРМАДЫ. РЕЗУС-ФАКТОР»
Дмитрий Григоренко. «Я ИЗ ЗОНЫ. НЕБО БЕЗ НАС»
Дмитрий Дашко. «ЗОНА ИКС. ЧЕРНЫЙ ПРИЗРАК»
Александр Пономарев «ЛИКВИДАТОР. ТЕНИ ПРОШЛОГО»

STALKER

Александр Пономарев

[ЛИКВИДАТОР] ТЕНИ ПРОШЛОГО

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П56

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Серия «Stalker» основана в 2013 году

Оформление обложки — *В. Половцев*

Художник — *А. Руденко*

Пономарев, Александр Леонидович.

П56 Ликвидатор. Тени прошлого : [фантастический роман] /
Александр Пономарев. — Москва : Издательство АСТ,
2017. — 352 с. — (STALKER).

ISBN 978-5-17-106042-8

Молодой и успешный журналист готовится стать главным редактором московского филиала популярного международного журнала. Однако у судьбы на него другие планы. Нелепая случайность приводит Сергея в Зону и дает в наставники опытного сталкера-ветерана. Уроки мастера не проходят даром. Вскоре Сергей вместе с учителем отправляется в Припять в попытке отыскать путь домой. Но вернуться всегда сложнее, чем уйти. И даже если Сергею удастся найти способ вырваться из Зоны, сумеет ли он остаться прежним, пережив столько опасных приключений и узнав невероятную тайну Чернобыля, или новые знания изменят его навсегда и разрушат надежды когда-нибудь вернуться в Москву?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106042-8

© А. Пономарев, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1

В двух шагах от мечты

В последнее время удача изрядно баловала меня. Ничто не предвещало того, что моя жизнь вот-вот сделает крутой поворот. Начальство проявляло ко мне благосклонность: сплошные благодарности, премии, похвалы, намёки на бурный карьерный рост. Никто в Moscow Time уже и не сомневался в том, что скоро я и сам войду в ряды руководства и займу пост главного редактора, о чём я мечтал последние годы.

Без лишней скромности могу сказать, что я состоялся как журналист и в своей сфере уже считался профессионалом. Так что расположение ко мне нашего начальства было вполне заслуженно: зря я, что ли, пять лет оттарабанил на посту зама и лез из кожи вон, сутками пропадая на работе?

Когда я только начинал — делал, так сказать, свои первые шаги на этом поприще, — меня заметил Левинзон, наш нынешний отец-командир. Этот человек считался патриархом журналистики: тридцать лет в профессии, феноменальный нюх на сенсации, деловая хватка, как у бульдога. Неудивительно, что Фил Крейтон — хозяин медиаимперии Time и, по совместительству, царь, бог и воинский начальник для всех, кто имеет отношение к этим четырём благословенным буквам, — сделал его одним из своих главных помощников.

Так вот, во многом именно благодаря Левинзону, который привёл меня сначала в «Караван историй», потом в «Огонёк», а оттуда уже позвал в «МТ», я стал тем, кто я есть.

На личном фронте, казалось, тоже всё было на мази. Анна Золотинская (супермодель!), моя давнишняя любовь, ещё годом ранее почти не смотрела в мою сторону. Ну, разве что на светских мероприятиях, куда я был вхож как подающая большие надежды звезда московской журналистики. Теперь девушка проводила со мной всё своё свободное время. На мои недвусмысленные намёки и разговоры о прелестях брака она отвечала загадочной улыбкой, скромно потупив взор или мечтательно глядя в полыхающее огнями рекламы ночное небо. В тот день я наконец решился сделать ей предложение и, видимо, запустил тем самым цепную реакцию неудач: похоже, именно тогда и кончился мой кредит везения, пришла пора платить по счетам, причём в прямом смысле.

Я действительно взял в долг крупную сумму денег у серьёзных людей, известных в определённых кругах, да ещё и на короткий срок под большие проценты после двухнедельной отсрочки (это они мне подарок такой на свадьбу сделали — им, видать, тоже ничто человеческое не чуждо).

Знаю, что так делать нельзя, что это, по сути, финансовое самоубийство. Но... куда было бедному журналисту податься, если в банке менеджер отказывает по причине плохой кредитной истории? Я, видите ли, неаккуратный в платежах заёмщик. Так деньги-то с неба не падают, господа банкиры, а соблазнов в Москве — ой как много. К тому же я надеялся на скорое повышение по службе и полагающийся по этому случаю бонус в размере годового оклада. Жалованье-то у главного редактора на порядок больше моего будет. На эти деньги я и рассчитывал, когда ударил по рукам с улыбочками ребятами в деловых костюмах. Это раньше они во всяких «адидасах» да «пумах» ходили, сверкая золотыми цепями в палец толщиной, а теперь, вишь, цивилизованными стали, под бизнесменов косят, да только волчий блеск в холодных глазах с головой выдаёт характер их деятельности.

Значит, разжился я деньгами, купил даме сердца кольцо с бриллиантом (да не каким-то мизерным камушком), пригласил Анну в самый фешенебельный ресторан Москвы,

причём арендовал весь зал на несколько часов, а это тоже деньги немалые, скажу я вам. И что вы думаете? Она меня подняла на смех. До сих пор в ушах звенит её язвительный голос:

— Вот что, Роднопольский, такую мелочь будешь дарить своим курвам из журнала. Хочешь стать моим мужем? Тогда купи мне кольцо с бриллиантом с грецкий орех. Не можешь — иди на все четыре стороны. У меня в женихах два олигарха ходят и один хоккеист из НХЛ, так что не бойся — в девках не засижусь.

И ладно бы просто посмеялась, так ведь она забрала кольцо, сказав: «А это недоразумение я оставлю себе на память о нашем свидании». В общем, продинамила она меня на всю катушку. И о чём я думал? Она же супермодель! У нее такие, как я, пачками в ногах валяются.

Короче, кинула она меня, как лоха развела. Видели бы вы, какими глазами смотрел на меня официант, когда принёс счёт. Бьюсь об заклад, он про себя мурлыкал песню на мотив популярного хита:

Какая боль, какая боль,
Светская львица — лузер 5:0.

Но это были всего лишь цветочки, ягодки ждали меня в редакции журнала. Не успел я переступить порог своего кабинета и плюхнуться в скрипнувшее подо мной кресло, как мелодично запел селектор и секретарша Левинзона вежливо пригласила меня «на ковёр» к начальнику.

Сердце тревожно заколотилось. Конечно, вызов главного мог быть связан с чем угодно вплоть до назначения на новую должность, о чём я так мечтал, но почему-то мне казалось, что это не так. У меня было дурное предчувствие.

Я зашёл в лифт, поднялся на пятьдесят второй этаж, топтал по украшенному лучшими фоторепродукциями наших корреспондентов коридору до двери из красного дерева, постучал и, не дожидаясь разрешения, предстал пред светлые очи самого Лазаря Моисеевича.

Здесь-то меня и настигло очередное подтверждение того, что мой запас везения стремительно катится к нулю. Левинзон, протирая клетчатым платком очки в роговой оправе, глухим голосом сообщил о решении большого босса устроить мне экзамен. Тому, видите ли, стало интересно, смогу ли я из обычной темы сделать интересный для наших читателей репортаж. А если конкретно, то Крейтон предложил мне написать статью о популярных в последнее время в светских тусовках всего мира страйкбольных игрищах по мотивам трилогии «Сталкер». Причем игры эти проводились не где-нибудь, а в самом сердце территории отчуждения ЧАЭС, чтобы участники могли полностью погрузиться в атмосферу постапокалипсиса.

«Интересно, — подумал я, закипая от возмущения, — а чем я, в принципе, всё это время занимался? Да я для каждого номера подобные статьи пачками пишу. Даже Моисеич признаёт, что я из любой ерунды на раз-два могу сделать сенсацию. Да и сам Крейтон меня за это хвалил. Так какого рожна ему теперь понадобилось меня экзаменовать? Или он на место Левинзона какого-нибудь американского парня прочит из достаточно известной семьи? Так сказал бы об этом честно, а не играл со мной в кошки-мышки. Я бы, может, тогда и кредит брать не стал, да и лохом бы таким сейчас себя не чувствовал».

— Так что, Сергей, — с грустным вздохом сказал Левинзон, — я, как мог, постарался облегчить тебе задачу. Видишь ли, вчера в районе ЧАЭС пропала группа из шести сынков высокопоставленных американских шишек...

Я сразу сделал стойку, как напавшая на след ищейка: «Уж не с пропажей ли великовозрастных оболтусов связана эта затея с экзаменом? Может, Крейтон что-то почуял, решил использовать мои таланты на все сто и, чтобы не выдавать свои намерения, замаскировал их таким способом? Хм, похоже на правду, только мне от этого не легче: вступление в должность откладывается на неопределённый срок, а деньги нужны сейчас, иначе братки быстро поставят на счётчик. Конечно, на дворе давно уже не лихие девяностые: долги с помощью утюга и паяльника никто не выбивает, ну так у этих ребят и другие

способы в арсенале имеются». Я даже зажмурился, представив, чем эта история может кончиться для меня. Воображение живо нарисовало картинку: я, с зацементированными в тапике ногами, иду на корм рыбам. Ясен пень, Москва — не Чикаго, да и двадцать первый век уже вроде, но кто их знает, этих братков, вдруг среди них есть фанаты гангстерских фильмов. Голливуд многим засорил мозги своими штампами.

Тем временем Левинзон нацепил очки на нос и тем же грустным голосом продолжил:

— Доступ на территорию отчуждения для посторонних пока закрыт, там теперь работает международная следственная группа, но я договорился о встрече с генерал-майором ФСБ Погребняком. Не сам, конечно, — через нужного человека. — Он бросил взгляд на часы. — Встреча назначена сегодня на восемнадцать часов. Постарайся не опаздывать, они там все помешаны на пунктуальности. Думаю, после беседы с ним у тебя проблем с пропуском в закрытую зону не будет. — Лазарь Моисеевич встал с кресла, перегнулся через стол, протянул руку. — Удачи тебе, Сергей, и смотри, не подкачай. Мне позарез нужна эта работа в Штатах, но и бросить своё детище на произвол судьбы я не могу. Ты нормальный мужик, деловой, с понятиями, хороший журналист, и жилка хозяйственника в тебе есть. Сдай этот чёртов экзамен и с чувством выполненного долга садись в моё кресло.

Я вернулся в кабинет в ужасном расположении духа (хорошо, по дороге никто не подвернулся под горячую руку). В течение пятнадцати минут дубасил подвешенную к потолку пневмогрушу, а когда почувствовал, что потерял заряд злости, сел за рабочий стол.

Физическая нагрузка вернула мне способность здраво рассуждать. Я проанализировал события дня и пришёл к выводу, что ничего такого катастрофического пока не произошло, если не считать пролёта с Золотинской. Более того, непредвиденный экзамен давал мне возможность без лишних проблем уладить кое-какие свои дела. Я давно уже хотел съездить в Чернобыль, побродить по отравленным радиацией

местам, увидеть всё своими глазами, пощупать предметы, к которым прикасались руки ликвидаторов аварии.

Вы не думайте, я не сошёл с ума, и интерес у меня был совсем не праздный. В далёком восемьдесят шестом — мне тогда и года не было — мой отец погиб там вместе с большой группой коллег-учёных, ликвидаторов аварии. Причём то, как они погибли, до сих пор остаётся загадкой. Ни одного тела так и не нашли. Специально созданная правительственная комиссия изучила тогда все материалы по делу и постановила, что люди просто испарились под воздействием сверхвысоких температур: пропавшая группа находилась недалеко от реактора, когда произошёл ещё один взрыв — на следующий день после катастрофы. Результаты расследования комиссии сразу засекретили, родственникам сообщили о подвиге и героической гибели их близких и вручили посмертные правительственные награды.

Захоронили героев в запаянных свинцовых гробах (якобы с целью нераспространения радиации), так что родные даже не могли попрощаться со своими мужьями, отцами, дедами. На самом деле в могилах закапывали пустышки. Если бы об этом узнали иностранные журналисты (а похороны известных учёных освещали многие мировые СМИ), мог разгореться международный скандал с непредсказуемыми последствиями. После аварии имидж Союза и так пострадал, так что шишки из ЦК не хотели дополнительно рисковать.

Моя мать оказалась не из тех, кто покорно выполняет требования властей. Она сразу заподозрила что-то неладное и начала своё расследование. За несколько лет у неё набралось достаточно доказательств того, что общепринятая версия аварии на четвёртом энергоблоке ЧАЭС, мягко говоря, не совсем соответствует действительности. В частности, мама откопала много подробностей о взрыве, произошедшем 27 апреля 1986 года, — том самом, когда пропал мой отец.

Само собой, её деятельность не осталась незамеченной. Люди из КГБ провели обыски у нас дома, изъяли всё, что имело хоть какое-то отношение к аварии и ликвидации по-

следствий, кроме газетной вырезки с общей фотографией пропавшей группы (её мама хранила в жестяной коробочке в тайнике под полом).

Мне было всего три года, когда мамы не стало. История с папой и противостояние с властями сильно подорвали её здоровье. Я получил в наследство коробочку с газетной вырезкой, исписанную карандашом школьную тетрадку, где мама по памяти набросала всё, что смогла узнать о событиях тех дней, и переехал в дом тёти Маши.

Потом, под натиском тётиной любви, я благополучно забыл о полученном наследстве. У маминой сестры никогда не было детей, и она заботилась обо мне, как о своём ребёнке, балуя и потакая во всём. А полтора года назад, разбирая после похорон тёти её вещи, я снова наткнулся на пожелтевшую от времени тетрадку и коробочку с фотографией из газеты. Читая полустёртые карандашные буквы, я загорелся желанием докопаться до правды, но, погрузившись в каждодневную рабочую суету, решил отложить эти благие начинания до отпуска. Потом снова благополучно забыл о них, и вот, видимо, пришло время реализовать задуманное.

На рабочем столе царил привычный бардак: всюду валялись бумаги, страницами вниз лежали раскрытые книги, мерцал синим глазком индикатора включённый в сеть планшет. Я сгрёб макулатуру в угол стола, достал со дна одного из выдвижных ящиков заветную тетрадку и стал читать. Через час, когда была перевёрнута последняя страница сумбурных маминых записей, я вошёл в Интернет и в первую очередь забил в поисковой строке фамилию Погребняк. Браузер выдал более миллиона ссылок. На третьей странице я наткнулся на сайт, посвящённый истории ликвидации аварии на ЧАЭС, и выяснил, что после аварии генерал-майор, тогда ещё полковник, вплотную занимался вопросами эвакуации гражданских из зоны отчуждения и курировал строительство объекта «Укрытие». По всему выходило, что Моисеич, сам того не зная, устроил мне встречу с человеком, который мог рассказать о последних днях жизни моего отца и, возможно, пове-

дать правду о том, что же на самом деле с ним произошло. Как-то не верилось мне, что больше полусотни людей взяли и бесследно испарились. Агенты Малдер и Скалли из «Секретных материалов», от которых я фанател в юности, приучили меня к мысли, что «истина где-то рядом», вот я и хотел докопаться до неё.

Когда план действий примерно был сформирован, я стал сёрфить по сайтам, посвящённым чернобыльской катастрофе, и выросшему из неё культурному феномену — вселенной «Сталкер», из-за чего едва не опоздал на встречу. Повезло, что путь до Лубянки занял всего полчаса с небольшим — мизер по меркам столицы. Можно сказать, легко отделался.

На площади Воровского меня ждал приятный сюрприз: обычно здесь яблоку негде упасть, а сегодня свободное место на парковке будто специально для меня берегли. Я только свернул с Фуркасовского переулка на Большую Лубянку, как чёрный «Субару Форестер» врубил задний ход и лихо вырулил со стоянки.

Мой «Икс-пятый» тут же заморгал указателем поворота, ловко свернул налево, подрезав неповоротливый «УАЗ Патриот», и втиснулся в узкую нишу между двумя чёрными «гелендвагенами». Оскорблённый владелец отечественного внедорожника притормозил — видно, хотел сказать всё, что обо мне думает, — но гневный рёв клаксонов подпирающих сзади машин и недвусмысленные реплики недовольных водителей быстро отбили у него это желание. Ограничившись универсальным «Козёл!», лысеющий толстяк показал неприличный жест и с видом оскорблённой невинности отправился на поиски свободного места.

Я посмотрел на часы. До назначенного времени оставалось около пяти минут: как раз хватило, чтобы добраться до здания ФСБ.

Серая, сплошь усеянная окнами восьмиэтажная коробка сильно проигрывала прежней вотчине могущественной спецслужбы. Расположенное через дорогу историческое здание радовало глаз апельсиновой расцветкой, декоративными

пилястрами с капителями и полукруглыми окнами центральных этажей. И не скажешь, что здесь, в мрачных подвалах внутренней тюрьмы, тысячи людей расстались с жизнью во время оно.

Новая же контора службы безопасности была полностью лишена архитектурных изысков. Этакое наследие суровой эпохи социализма: строгие геометрические формы; узкие контрфорсы, разделяющие стены на равные промежутки, в которых парами расположены одностворчатые окна; облицованный толстыми плитами из тёмно-серого гранита нижний этаж; широкий, массивный, значительно выступающий вперёд портал главного входа. Даже таблички не надо: и так понятно, что здесь находится не институт благородных девиц.

Я поравнялся с тяжёлыми дверями из массива дуба, посторонился, пропуская выходящего из конторы майора с землистым лицом и желтоватыми, навывкате, глазами. Показал дежурившему на входе офицеру паспорт, получил временный пропуск и на лифте поднялся на нужный этаж.

Седой, крепко сбитый человек с морщинистым, как морда у шарпея, лицом внимательно выслушал меня и пообещал, что пропуск в зону отчуждения ЧАЭС мне выдадут на КПП «Дитятки» сразу по прибытии туда. Когда же он встал, чтобы проводить меня за дверь, я торопливо, проглатывая окончания, рассказал о пропавшем отце и попросил помочь узнать правду. Мне показалось, что в его грустных голубых глазах сверкнули тревожные искорки, когда прозвучали фамилии Зибирова (моего отца, я Роднопольский — по матери), Журавлёва и ещё нескольких учёных из пропавшей группы.

— Я пошукаю в отделе Госархива для узкого круга лиц, — скрипуче сказал Погребняк, — но ничего не обещаю, Сергей... — он сделал паузу.

— Просто Сергей, — улыбнулся я. — Молод ещё для отчества, Тарас Григорьевич.

Погребняк пожал плечами — дескать, дело хозяйское — протянул мне правую руку, левой указал на дверь.

— Закон о гостайне никто не отменял, так что особо не надейтесь. Нарушать инструкции ради вас я, естественно, не собираюсь.

— Спасибо, Тарас Григорьевич. — Я пожал его крепкую жилистую ладонь. — Всё понимаю и на многое не рассчитываю. Буду рад любым крохам информации. До свидания и ещё раз спасибо.

В приподнятом настроении я спустился в фойе. От дневной хандры не осталось и следа. Я подумал, что всё не так уж плохо и фортуна опять повернулась ко мне лицом.

О Золотинской я уже и не переживал: «Сорока она, что с неё взять? Тащит всё, что блестит. И хорошо, что она именно сейчас так меня продинамила, нанесла, так сказать, минимальный ущерб». Меня даже передёрнуло от мысли, что могло произойти, согласись она стать моей женой. Да она бы меня до последней нитки обобрала и пустила по миру. И что на меня нашло, когда я решил на ней жениться? Спасибо парню на небесах: вовремя открыл мне глаза, отвёл беду, сделал всё, чтобы я отделался малой кровью.

Глава 2

«На дальней станции сойду...»

Из ФСБ я сразу отправился на Киевский вокзал. По дороге позвонил старому приятелю и сослуживцу Антону Дружину, объяснил, что к чему, и попросил привезти мой планшет (я его впопыхах оставил на работе). Договорились о встрече возле часовой башни вокзала — той самой, с чёрными металлическими орлами на карнизе.

Выкупить заказанные через Интернет билеты не составило большого труда и не заняло много времени. Однако Антон меня опередил. Когда я пришёл к условленному месту, он стоял ко мне спиной и изучал афишу с портретом какого-то чувака в концертном смокинге.

— Привет!

Дружинин резко повернулся, растянул губы в улыбке, протянул планшет в застёгнутом на молнию сером тканевом чехле:

— Держи.

Я взял гаджет, просунул руку в кожаный ремешок чехла. Антон скептически осмотрел меня с головы до ног.

— Ты так и поедешь?

— А что тебе не нравится? — Я окинул себя беглым взглядом. — Джинсы, рубашка, мокасины — нормальная одежда, для лета — в самый раз.

— Да я не об этом, — скривился Антон. — Вещи твои где?

— Зачем мне лишний багаж? Всё, что надо, ты привёз, остальное я в Киеве куплю. Всегда стараюсь ездить налегке, а то таскаешься с чемоданом, как дурак, не знаешь, куда его пристроить, а в итоге оказывается, что половина вещей и не понадобилась.

Дружинин пожал плечами: дескать, хозяин-барин. Сам-то он даже в краткосрочные командировки ездит с полным чемоданом и сумкой.

— Пойдём, проводишь меня, скоро посадка.

Словно в подтверждение моих слов, с перрона донеслось эхо невнятной скороговорки диспетчера: пассажиров «Столичного экспресса» приглашали пройти к третьему пути.

Огибая пёстро одетые, шумные кучки прибывших и отбывающих, мы нырнули в здание вокзала. Внутри тоже было оживлённо и многолюдно: степенно прогуливались полицейские, сканируя взглядом всех и каждого; у билетных касс змеилась длинная очередь (вот это мне повезло так повезло: опоздай я на десять минут, стоял бы сейчас вместе с этими бедолагами, мог бы и на поезд не успеть); из дебаркадера сплошным потоком лилась людская река — видимо, недавно прибыл аэроэкспресс из Внукова.

Мы двинулись навстречу гудящему, как улей, потоку и вскоре оказались на крытом перроне.

Обогнав носильщика, толкающего перед собой заваленную разноцветными чемоданами тележку, мы подошли к ми-